

Густав
Эмар

ЗОЛОТАЯ КАСТИЛИЯ

Короли океана

Густав Эмар

Золотая Кастилия

«ВЕЧЕ»

1865

Эмар Г.

Золотая Кастилия / Г. Эмар — «ВЕЧЕ», 1865 — (Короли океана)

ISBN 978-5-4484-7825-3

Предводитель пиратов Берегового братства, Монбар Губитель, вознамерился захватить Маракайбо, мексиканский город, в котором, по слухам, накоплены несметные богатства. Он убеждает флибустьеров в успехе своего замысла, при условии, если ему удастся под видом испанского графа пробраться в город и войти в доверие к губернатору города, дону Фернандо д'Авила...
Густав Эмар (1818–1883) – неутомимый путешественник и авантюрист, автор приключенческих романов, принесших ему всемирную славу.

ISBN 978-5-4484-7825-3

© Эмар Г., 1865
© ВЕЧЕ, 1865

Содержание

Глава I. Лодка	6
Глава II. Три человека и пятьсот аллигаторов	11
Глава III. Флибустьеры	15
Глава IV. План кампании	20
Глава V. Шхуна «Мадонна»	25
Глава VI. В доме	29
Глава VII. Дуэнья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Густав Эмар

Золотая Кастилия

Печатается по изданию:

Издательство П. П. Сойкина, СПб., 1899.

© ООО «Издательство «Вече», 2008

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Глава I. Лодка

Двадцать пятого сентября 16... года, в час, когда солнце обильно проливало свои лучи на землю, томившуюся от зноя, легкая лодка, в которой сидели три человека, обогнула мыс Какиба-Коа, проплыла вдоль западного берега Венесуэльского залива и остановилась на песке у самого устья реки, не имеющей названия, проложив себе путь сквозь засохшие деревья и кустарники всех видов, которые в этом месте почти совершенно загромождали русло этой мелкой реки.

В течение нескольких минут люди шепотом совещались, тревожно рассматривая оба берега реки, довольно близко отстоящих в этом месте друг от друга. Один из троих, более недоверчивый, а может быть, более благоразумный, чем его товарищи, вынул из кармана подзорную трубу – инструмент очень редкий в то время – и, направив ее на какую-то точку, стал рассматривать чащу леса, после чего сказал:

– Мы можем выйти на землю; на целую милю¹ вокруг нет ни единого человеческого существа.

Тогда все трое выпрыгнули на берег, крепко привязали лодку, нос которой ужеочно зарылся в песок, и сели в тени деревьев, чьи густые ветви представляли восхитительное убежище от палящих лучей солнца.

Мы сказали, что в лодке приплыли три человека. Испанский часовий, стоявший на башне Гуэт, возвышавшейся над входом в Венесуэльский залив, проводил презрительным взором легкую лодочку, прошедшую на расстоянии ружейного выстрела от его поста; сонный солдат, обманутый жалким видом лодки, принял ее за пирогу из тех, что индейцы используют для рыбной ловли, и больше ею не интересовался. Однако, рассмотрев часовий ее повнимательнее, он задрожал бы от страха и немедленно поднял бы тревогу, узнав в двоих из мнимых индейцев ужасных Береговых братьев, и не просто Береговых братьев, а главных их вожаков: Монбара Губителя и Тихого Ветерка. Действительно, это они так смело вошли в Венесуэльский залив. Их третьим товарищем был человек лет тридцати пяти, огромного роста, геркулесовой внешности; гигант этот, как часто случается, имел открытое, свежее и румяное, как у молодой девушки, лицо, полные, красные и чувственные губы, великолепные белокурые волосы, ниспадавшие шелковистыми кудрями на его плечи, – словом, внешность его носила печать очаровательного добродушия, вовсе не походившего на глупость, и располагала к себе с первого взгляда.

Костюм его состоял из фуражки с козырьком, двух рубах, надетых одна на другую, панталон и камзола из грубого полотна. Его сильные и мохнатые, как у медведя, ноги были голы; только сандалии из свиной кожи предохраняли подошвы от камней на дороге или укусов змей. На нем был пояс из бычьей кожи, на котором висели с одной стороны пороховница и мешочек с пульями, а с другой – футляр из крокодиловой кожи с четырьмя длинными и широкими ножами и штыком; свернутая палатка из тонкого полотна, переброшенная через плечо, дополняла его костюм. Он имел при себе также ружье.

Этот человек был слугой Монбара и носил прозвище Данник. Он был искренне предан своему господину, которому принадлежал уже два года. Монбар всегда отдавал ему предпочтение, отправляясь на опасную разведку, обычно предшествующую экспедиции флибустьеров.

Мы забыли упомянуть о великолепной испанской собаке, белой с рыжим, с длинными висячими ушами и живыми умными глазами. Она также выпрыгнула из лодки и по знаку слуги легла у его ног. Животное носило благозвучную кличку Монако.

¹ Миля равна 1609 м.

По какому стечению обстоятельств эти трое, сопровождаемые собакой, очутились так далеко от земли, где жили, на берегу Венесуэльского залива, то есть на испанской территории и, следовательно, среди самых непримиримых своих врагов? Это мы, без сомнения, узнаем, прислушавшись к их разговору.

Тихий Ветерок, усевшись на берегу, начал сосредоточенно рыться у себя в карманах, выворачивая их один за другим и явно разыскивая что-то, чего не мог найти; наконец, откававшись от дальнейших поисков, он хлопнул себя по боку и с досадой воскликнул:

– Ну вот, только этого еще недоставало!

Монбар повернулся к нему.

– Что случилось? – поинтересовался он.

– Я потерял трубку и табак, – с досадой ответил флибустьер, – понимаешь ты это? Что я теперь буду делать?

– Обойдешься без них, – сказал Монбар, – до тех пор, пока не достанешь новые.

– Обойтись без табака! – вскричал Тихий Ветерок с глубочайшим отчаянием.

– Но я не вижу другого способа; ведь ты же знаешь – я не курю.

– Да, это правда, – произнес моряк с унынием. – Надо признаться, что с некоторых пор удача покинула нас.

– Ты находишь? – спросил Монбар со странной улыбкой. – А я с тобой не согласен.

– Может, я и не прав, – пробормотал Тихий Ветерок, потупив голову, – будем считать, что я ничего не говорил.

– У меня есть табак, – внезапно произнес слуга смиренным голосом, – немного, правда, но на первых порах вполне достаточно. Если вы желаете, можете им воспользоваться.

– Как! Если я желаю?! – вскричал флибустьер с радостью. – Давай же его сюда, любезный мой Данник, давай! Ты, сам того не подозревая, мой милый, в эту минуту спасаешь мне жизнь.

– Вот как! – заметил слуга тихим голосом. – Вы так думаете?

– Я не думаю, а знаю это наверняка; поэтому, прошу тебя, поторопись.

– Сейчас схожу в лодку: я оставил табак под скамейкой, чтобы он был посвежее.

– Какой драгоценный человек! Он обо всем подумал, – воскликнул, смеясь, Тихий Ветерок.

Данник поднялся и направился к лодке, но на полдороги внезапно остановился и спешно склонился к земле, вскрикнув от удивления.

– Что ты там кричишь? – осведомился Тихий Ветерок. – Ты что, нечаянно наступил на змею?

– Нет, – ответил тот, – но я нашел вашу трубку и табак; посмотрите-ка сюда. – И он показал небольшой мешочек, сшитый из пузыря вепря, и трубку из красной глины с черешневым чубуком, которые поднял в траве.

– Действительно, – заметил флибустьер, – должно быть, я нечаянно выронил их дорогой. Ну раз так, то беда, по милости Божьей, не так велика, как я думал.

Он тщательно набил трубку, которую принес ему Данник, и закурил ее с наслаждением, отличающим заправских курильщиков. Слуга снова улегся в тени.

– Итак, старина, – сказал Монбар, улыбаясь, – теперь ты уже не чувствуешь себя таким несчастным?

– Да, признаюсь; однако, не во гнев тебе будь сказано, до сих пор мы не можем похвастаться удачей.

– Ты слишком требователен, при первой же неудаче теряешь голову и считаешь себя погибшим.

– Я не считаю себя погибшим, Монбар, особенно когда я с тобой; но...

– Но, – перебил знаменитый флибустьер, – считаешь себя в опасности, не так ли?

– Почему же мне не сознаться, если это справедливо?

– Хорошо, у нас еще есть время, так как необходимо переждать жару, прежде чем опять пускаться в путь. Говори же, я слушаю тебя.

– Ты все еще не оставил намерения отправиться туда? – с удивлением спросил Тихий Ветерок.

– Ты отлично знаешь, – с живостью сказал Монбар, – что я никогда не меняю раз принятого решения.

– Это правда; я окончательно становлюсь идиотом.

– Я не стану спорить с тобой, ведь тебе виднее. Но в данный момент речь идет о другом.

– А о чём же?

– О неудачах, как ты говоришь.

– Да, и не нужно быть колдуном, чтобы видеть это.

– Объяснись.

– Если ты требуешь.

– Конечно, я не пропустишь, что именно должен думать об этом; говори без опасения.

– О! То, что я скажу, не займет много времени... Мы покинули гавань Пор-Марго на отличном корабле, нас было сорок человек, отважных и готовых пуститься на любое предприятие, какое ты вздумаешь нам предложить. Две недели бороздили мы море, не встречая ни одной чайки. Наконец нам наскучило это уединение, и мы направились к берегу в надежде на хорошую поживу. И тут северо-западный ветер заставил нас убраться подобру-поздорову. Но этого мало: в ту минуту, когда мы меньше ожидали беды, наша бедная шхуна налетает прямо на проклятую подводную скалу, которую мы не заметили, и раскалывается надвое, так что через час идет ко дну, и наши бедные товарищи вместе с ней; к счастью...

– Ага! – перебил его Монбар. – Ты все же говоришь: к счастью! Не замечаешь ли ты тут некоторое противоречие – значит не одни беды преследовали нас.

– Говори, что хочешь, но наш корабль тем не менее пошел ко дну и увлек в пучину наших товарищей.

– Но что могли мы сделать? Разве была в том моя вина?

– Я не говорю этого; конечно нет...

– Ну отчего же ты не говоришь о том, что случилось дальше? Мы случайно взяли с собой пирогу, брошенную на берегу. По какому-то наитию я велел Даннику положить туда съестные припасы, порох, оружие. В минуту несчастья он перерезал канат, связывавший пирогу со шхуной, отплыл подальше, чтобы тонущая шхуна не опрокинула лодку, и подхватил нас в ту минуту, когда, истощенные усталостью, мы едва не шли ко дну. Через шесть часов после этого мы вошли в Венесуэльский залив, где нам теперь нечего опасаться бури, и, заметь, только мы одни остались живы из всего экипажа.

– Да, это правда, я с этим согласен. Но ведь мы находимся вдали от наших братьев, предоставленные самим себе в стране, где и звери, и люди – все нам враждебно. Согласись, что ничего не может быть неприятнее... А теперь, если ты хочешь, не будем больше об этом говорить.

– Послушай, Тихий Ветерок, – сказал Монбар, – пора тебе узнать мои мысли.

– Как тебе будет угодно, – равнодушно ответил Тихий Ветерок, – мне все равно, умереть здесь или в другом месте, только бы погребение мое было достойным.

– Будь спокоен, друг; если мы останемся здесь, то исчезнем не иначе как среди грома и молнии.

– Ну и прекрасно! А теперь к черту печаль! От забот и кот издохнет, как говорит пословица; я не хочу ничего больше знать.

– Прекрасно; но я хочу сообщить тебе о своих намерениях, чтобы ты помог мне их исполнить.

– Хорошо. Говори, если хочешь.

— Слушай меня внимательно; дело стоит того. Шесть недель тому назад я получил на Тортуге, где находился в то время, чрезвычайно важное известие.

Тихий Ветерок несколько раз покачал головой.

— Хорошо, — прошептал он, — далее.

— Я снарядил шхуну именно для того, чтобы прибыть сюда; я имел намерение спрятать ее в какой-нибудь бухте, потом взять с собой в лодку пять-шесть самых решительных человек, пробраться сюда...

— Стало быть, все идет как надо, только вместо шестерых нас трое, но это все равно. Так и надо было говорить. Отлично! Теперь, когда я знаю, что мы должны были приехать сюда, я больше не тревожусь.

— Да, но мы должны остановиться не здесь, — сказал Монбар с улыбкой.

— Мы едем дальше?

— Да, немного, — ответил флибустьер, — мы направляемся в Маракайбо.

— Что?! — вскричал Тихий Ветерок с удивлением. — В Маракайбо?

— Да.

— Но ты же знаешь, что в этом городе по крайней мере двенадцать тысяч жителей.

— Что мне до этого?

— Но там стоит гарнизон численностью в шесть тысяч человек!

— Какое мне дело!

— Пушки...

— Еще что?

— Уж не имеешь ли ты намерения взять Маракайбо? — вскричал Тихий Ветерок не только с изумлением, но почти с испугом, до того странным казалось ему хладнокровие Монбара.

— Может быть, — ответил Монбар с насмешливым спокойствием, не покидавшим его с начала разговора.

— Я видел много твоих отважных экспедиций, но если эта удастся, она будет самой невероятной. Итак, ты, я, Данник и Монако будем атаковать Маракайбо, — прибавил Тихий Ветерок, смеясь. — Мысль оригинальная. Скорее всего, нас постигнет неудача, но это не важно; все-таки хорошо будет предпринять такое дело. Мысль достойна тебя, и, что бы ни случилось, я присоединяюсь к ней от всего сердца.

— Когда ты перестанешь насмехаться, — сухо сказал Монбар, — я продолжу.

— Я не насмехаюсь, друг мой, но эта мысль — прости за выражение — кажется мне до того шутовской...

— Что, по твоему мнению, я помешался, не так ли? — докончил его мысль Монбар. — Успокойся, я нахожусь в полном рассудке; я никогда не был так спокоен, как в эту минуту. Я вовсе не имел намерения атаковать Маракайбо, даже с помощью Монако. Что будет, мы увидим после. А теперь надо просто войти в город.

— Гм! Это просто кажется мне очень трудным делом... Я признаюсь в своем неумении, и если ты не придумаешь способа...

— Я придумаю, когда придет время.

— Но прежде чем вступить в город, необходимо до него добраться, а это, как мне кажется, не очень легко.

— Нам осталось только двенадцать лье², не больше.

— У меня случались такие минуты, когда и четверть лье трудно было пройти. Однако что же ты хочешь делать?

² Французская путевая мера длины, равная 4,44 км.

– Друг мой, в такой опасной экспедиции, как наша, когда все обстоятельства складываются против нас, составлять планы было бы глупостью; лучше полагаться на случай. Случай всегда был покровителем Береговых братьев. Он нам не изменит.

– Да-а, я вижу, что если так дальше продолжится, нам будет очень весело.

– Ты раскаиваешься, что поехал со мной?

– Черт побери! Только мне хотелось бы, чтобы Мигель Баск и Олоне тоже были с нами, а их нет.

– Что же делать, друг мой, надо постараться обойтись без них.

– Досадно будет, особенно Мигелю, когда они узнают, что мы без них сделали.

– Теперь, если ты немного отдохнул, мы будем продолжать путь, так как жара уже немного спала.

– И долго нам придется грести, словно карибам?

– Нет, только до завтра.

– Ну и слава богу! А все-таки мы поступаем очень оригинально. Стало быть, полученные тобой сведения были на этот раз очень серьезны?

– Да, – ответил Монбар, – кажется, я наконец-то напал на след; горе тем, кто попытается обмануть меня и сделать жертвой засады! Испанцы еще плохо знают Монбара Губителя, если считают меня настолько тупым, чтобы я позволил поймать себя в ловушку! Каким бы большим и прекрасно укрепленным Маракайбо ни был, я сожгу его дотла.

– Непременно хочет... – пробормотал Тихий Ветерок. – Но кто знает? Странно будет, если он найдет его после двадцати лет, – прибавил он.

В ту минуту, когда флибустьеры спустили лодку на воду, они услышали отдаленный крик и почти тотчас двойной выстрел.

– Здесь дерутся, – заметил Тихий Ветерок.

– Какое нам дело? – ответил Монбар, пожимая плечами. – Отправляемся!

Они взяли весла, и лодка начала пролагать себе путь сквозь сплетение лиан и ветвей и стволы деревьев, грозившие каждую минуту опрокинуть утлый челнок.

Глава II. Три человека и пятьсот аллигаторов

Берега реки, мимо которых проплывали авантюристы, были очень живописны. К пяти часам пополудни их глазам представилось озеро средней величины.

На восточном берегу находились обширные болота, на западном – большие леса и померанцевые деревья.

Немного позже они миновали бухту, окаймленную кипарисами. Оба берега сближались тут таким образом, что составляли нечто вроде узкого канала, который вел к другой реке, называемой Тринидад.

Приближался вечер. Пора было подумать, как устроиться на ночлег. В тропических странах мрак без перехода сменяет свет; едва закатится солнце, как опускается густая темнота.

Флибустьеры в этих совершенно неведомых им местах не знали, где остановиться, как вдруг на повороте реки заметили небольшой мыс, почти полуостров, где земля была густо покрыта померанцевыми деревьями, молодыми дубами, магнолиями и пальмами.

– Направимся туда, – сказал Монбар, – лучшего места нам не найти.

– Хорошо, – согласился Тихий Ветерок.

Они обогнули мыс и пристали к выбранному ими месту, которое действительно было так удобно, как они только могли пожелать.

Перед ними лежала круглая ровная площадка, имевшая в этом месте около двенадцати футов³ высоты. Дальше тянулось большое болото, окаймленное кипарисами, а за ним виднелись зеленые равнины с маленькими пригорками, усаженные магнолиями и пальмами. Эти пригорки были не чем иным, как грудами раковин, что накопились на берегах ручьев, извивающихся по этим огромным равнинам и орошающих их во время зимы.

Флибустьеры раскинули свой лагерь на открытой площадке в нескольких шагах от лодки, которую они крепко привязали у большого дуба, без сомнения одного из старейших в этих диких местах. Дуб этот одиноко рос на самой возвышенной части мыса, как будто хотел царить над грандиозным пейзажем, окружавшим его. Расположившись таким образом, флибустьеры могли видеть все, что происходит на реке.

Когда Данник собрал достаточное количество дров, чтобы развести огонь на ночь, он решил заняться ужином. Было уже поздно, день выдался утомительный, и все трое страшно проголодались. Однако, исследовав запасы провизии, слуга выяснил, что ее почти не осталось. Это было очень серьезно; флибустьеры принялись совещаться. Они уже давно привыкли к жизни американских равнин и сейчас без всякого беспокойства оглядели окрестности своего временного пристанища, чтобы выяснить, нельзя ли раздобыть поблизости чего-нибудь съестного.

В пятидесяти шагах от их лагеря начиналась бухта, очень узкая, но понемногу расширявшаяся и образовывавшая небольшое озеро, постепенно переходящее в болото. На берегах озера росли различные водолюбивые растения, близость которых любит форель; по всей вероятности, тут можно было наудить много этой рыбы. Следовательно, часть ужина была почти найдена. Кроме того, берега и островки лагуны усыпали растения и цветущие кустарники; стаи бакланов с распростертыми крыльями бегали и прятались, играя в высокой траве. На воде плавали молоденькие чирки; они спокойно следовали за своими матерями, и иногда какого-нибудь птенца захватывала огромная форель, делавшаяся в свою очередь добычей жадного крокодила. Таким образом, к ужину было все: и рыба, и дичь, и вкусные плоды. Оставалось немногое: наудить форели, убить бакланов и чирков и нарвать плодов.

³ Приблизительно равен 30,5 см.

Распределили обязанности. Монбар взял на себя охоту, Тихий Ветерок – рыбную ловлю, Данник отправился собирать плоды, а Монако, важно сидя на хвосте, караулил лагерь, с интересом следя за действиями своих хозяев.

Погода стояла тихая и довольно свежая. Все чаще окрестности оглашались ревом крокодилов, в большом количестве собиравшихся у берегов. Вдруг из-под листьев и тростника, среди которого до тех пор скрывался, выполз кайман. Страшное животное раздувало свое огромное тело, время от времени приподнимая шероховатый хвост. Вода лилась из его приоткрытой пасти, а из ноздрей вырывался пар. От его страшного рева задрожал берег.

Флибустьеры замерли на месте и, несмотря на свою храбрость, задрожали от ужаса. На крик каймана ответил другой такой же крик с противоположного берега, и показался другой крокодил. Два чудовища бросились друг на друга, вспенивая воду на своем пути.

Началась страшная битва, или, лучше сказать, поединок. Сцепившись друг с другом, противники сначала исчезли в воде, из глубины которой тотчас показалась густая тина, замутившая воду на большом пространстве вокруг. Вскоре они появились вновь, все еще сцепившись; наполняя воздух беспрестанным ревом и лязгом тяжелых челюстей, они снова погрузились в воду, и битва закончилась в глубине озера. Побежденный, пользуясь, вероятно, мутной водой, спрятался в отдаленном болоте. Победитель явился на поле битвы; он издавал радостный рев. Многочисленные кайманы, свидетели поединка, завывали, приветствуя его; эхо повторило эти жуткие крики, отзывающиеся вдали в испуганных лесах.

Страшное зрелище, свидетелями которого так неожиданно стали флибустьеры, внушило им серьезную тревогу; они чувствовали, что с каждой минутой опасность, грозящая им, увеличивается. Солнце закатывалось; крокодилы все прибывали и собирались у пристани, близ которой флибустьеры раскинулись лагерем на ночлег. Соображения безопасности заставили их как можно скорее закончить ловлю рыбы и чирков. Монбар и Тихий Ветерок позвали Данника, сели в лодку и отчалили, оставив Монако сторожить лагерь. Они остались свои ружья, сделавшиеся для них бесполезными, и вооружились тяжелыми копьями, более удобными для защиты от кайманов, если бы тем вздумалось на них напасть.

Когда флибустьеры добрались до первых кайманов, те расступились; однако самые крупные животные поплыли за ними, и флибустьерам пришлось изо всех сил налечь на весла, чтобы как можно скорее достичь входа в лагуну, в надежде, что там они будут в безопасности от нападающих. Когда авантюристы были уже на полпути, внезапно со всех сторон на них напали кайманы. Они набрасывались на лодку, стараясь опрокинуть ее, страшно ревели и изрыгали фонтаны пены. Положение становилось критическим; каждую секунду флибустьеры ожидали, что будут выброшены в реку и сожраны. Однако им удалось с чрезвычайными затруднениями пристать к берегу, вдоль которого они могли направить лодку, не подвергаясь такой большой опасности. Пока Монбар и Тихий Ветерок гребли, Данник, вооруженный огромным колом, держал кайманов на отдалении, не подпуская к лодке. Воспользовавшись этой отсрочкой, флибустьеры наловили форели и убили несколько чирков, после чего поспешили возвратиться в лагерь. Хотя кайманы сгрудились перед пристанью, однако отважным флибустьерам удалось добраться до своего лагеря целыми и невредимыми.

Первой их заботой было вытащить на берег лодку, чтобы чудовища не опрокинули ее и не потопили. Забрав из нее всю поклажу, флибустьеры расчистили землю вокруг лагеря на случай внезапного ночного нападения как с реки, так и с суши. Они заметили, что перешеек, выбранный ими из-за его уединенного положения и плодородия, посещается волками и ягуарами, следы которых были очень хорошо заметны.

Осмотрев окрестности лагеря, флибустьеры развели костер и занялись приготовлением ужина.

Было уже темно; крокодилы прекратили свой рев. Флибустьеры с аппетитом принялись за еду, когда страшный шум, вдруг поднявшийся с реки недалеко от лагеря, снова привлек

их внимание. Они сделались свидетелями странного зрелища, наполнившего их удивлением и восторгом. Шум, который они услышали, исходил от бесчисленного множества кайманов, стоявших у входа в залив. Вся водная поверхность от одного берега реки до другого была сплошь покрыта рыбой разного сорта, которая толпилась в этом узком канале, чтобы пройти из реки в озеро. Крокодилы, поджидавшие ее, были так многочисленны и находились так близко друг к другу, что реку можно было бы перейти по их головам.

Перо не в силах описать страшное истребление огромной стаи рыб, сиявшихся проложить себе путь сквозь полчища голодных чудовищ. Крокодилы захватывали из воды по несколько штук сразу, подбрасывали их в воздухе и раздирали зубами; хвосты форелей свисали с их зубов, закрывали им глаза, пока они глотали головы; в воздухе стоял страшный лязг челюстей. Потоки крови и воды вырывались из их пасти, ноздри изрыгали струи пара. Страшное пиршество продолжалось всю ночь, пока не была истреблена вся рыба, стремившаяся пройти в озеро.

Как ни ужасно было это зрелище, оно, однако, неожиданно успокоило флибустьеров, открыв им, что причиной такого огромного скопления крокодилов было регулярное возвращение рыбы в озеро и что, следовательно, хищники были слишком заняты насыщением своей утробы, чтобы думать о нападении на лагерь.

Итак, флибустьеры вновь принялись за ужин, потом подбросили дров в костер, чтобы огонь не погас, и скоро заснули с беззаботностью, которую может дать одна лишь привычка к опасности.

Было около двух часов ночи, когда Данник вдруг проснулся. Его разбудил Монако, лизавший ему лицо и тихо ворчавший.

– Что с тобой, моя добная собака? – спросил великан, протирая глаза и оглядываясь вокруг. Все было тихо и спокойно, в чем Даннику легко было удостовериться при ярком свете луны и мириадов звезд, усыпавших небо. Однако работник, убежденный в понятливости собаки и в том, что она неспроста разбудила его, схватил ружье и стал внимательно прислушиваться.

Через минуту послышался едва различимый шум со стороны бухты; собака все ворчала. Данник осторожно встал и снова прислушался. Скоро он ясно услышал шум, издаваемый каким-то животным, бредущим по воде. Слуга не счел нужным будить своих товарищей; однако он с нетерпением желал узнать причину шума, становившегося все сильнее, и поскольку этот шум мог извещать об опасности, он покинул лагерь и осторожно направился в сторону бухты.

Сделав шагов сто, Данник остановился и спрятался за померанцевым деревом. Монако не отставал от него ни на шаг, но, против своей привычки, вместо того чтобы бежать впереди, он шел позади своего хозяина, поджав хвост. Это заставило слугу призадуматься. Неизвестный, чьи шаги он слышал, вероятно был страшен. Поэтому Данник приготовился оказать ему достойную встречу.

Ожидание было непродолжительным. Через несколько минут Данник заметил в пятидесяти шагах от себя двух больших черных медведей, которые, выйдя из воды, вошли в лес и медленно приближались к нему. Медведи, по-видимому, еще не заметили слугу, так как продолжали идти медленно, не обнаруживая никаких признаков беспокойства. Однако, остановившись в пятнадцати шагах от флибустьера, они внезапно учудили его и взглянули в ту сторону, где он находился.

Данник, поняв, что обнаружен, выстрелил из ружья, и один из медведей, самый большой, повалился наземь; второй повернулся и бросился в сторону болота, где и исчез через минуту. Слуга вышел из-за дерева и быстро направился к медведю, чтобы прикончить его в случае, если он еще жив. Подойдя ближе, Данник увидел, что медведь убит наповал: пуля вошла ему прямо в глаз.

Монбар и Тихий Ветерок, пробудившись от ружейного выстрела и думая, что на них напали, прибежали на помощь к Даннику. В ту же минуту Монако, до сих пор предусмотрительно державшийся позади своего хозяина, бросился вперед и бешено залаял.

— Что там еще? — удивился слуга, поспешило перезаряжая свое ружье. — Ну и страна: ни секунды покоя!

— Поздравляю тебя с удачным выстрелом, — сказал Монбар. — У тебя сегодня счастливая охота!

— Она, как видно, еще не кончилась, — заметил великан. — Слышите, как лает Монако?

— Да, правда, — ответил Тихий Ветерок, — он что-то почуял; но мне кажется, что его лай скорее походит на радостный, чем на сердитый.

— В самом деле, это странно, — сказал Данник.

— Посмотрим, — произнес Монбар и, взведя курок ружья, решительно отправился за собакой.

Товарищи последовали за ним. Они осторожно прошли лес, скрываясь за деревьями, и через несколько минут добрались до опушки. Там, на расстоянии ружейного выстрела от того места, где находились, они увидели двух человек с ружьями на плечах, которые большими шагами направлялись к ним. Монако носился вокруг и прыгал с радостным лаем.

— Это становится все интереснее, — заметил Монбар. — Монако как будто узнал знакомых. Но как же это возможно, черт побери! Уж не завел ли он себе друзей среди испанцев, хотел бы я знать?

Говоря таким образом, флибустьер сделал несколько шагов вперед и крикнул громким голосом:

— Кто идет?

— Друзья! — тотчас ответил по-французски один из подходивших.

— Друзья, пусть так, — ответил Монбар, — хотя мне кажется, что ваш голос мне незнаком.

Однако, друзья, прежде чем подойти, назовите ваши имена.

— С превеликим удовольствием, Монбар, — ответил тот, — я — Филипп.

— Филипп! — вскричали флибустьеры с удивлением. — Какая приятная встреча!

Выйдя из-за деревьев, они бросились навстречу к подходившим, которые в свою очередь ускорили шаг.

Это действительно были Филипп и Питриан.

Горячо приветствовав друг друга, флибустьеры весело возвратились в лагерь, куда не забыли перенести медведя, которого Данник так ловко убил и который явился невольной причиной встречи авантюристов.

Глава III. Флибустьеры

Когда все уселись около огня, в который Данник подбросил охапку сухих дров, Монбар спросил Филиппа, по какому поводу находится он так далеко от мест, посещаемых флибустьерами.

– Я мог бы задать вам тот же самый вопрос, любезный Монбар, – улыбаясь, ответил Филипп, – поскольку встреча эта странна и для вас и для меня.

– Это правда, друг мой, – согласился Монбар, – но меня привел сюда случай.

– Какой же случай?

– Буря, друг мой. Я лишился своей шхуны и пристал сюда, не зная, где именно нахожусь. Спешу прибавить, что как только я понял, что попал в Венесуэльский залив, то очень обрадовался, так как давно уже собирался его осмотреть.

– А ваша команда?

– Кроме этих двух товарищей, все погибли.

– Это очень печально! – сказал Филипп, покачав головой. – А я должен откровенно признаться вам, любезный Монбар, что покинул Черепаший остров с решительным намерением попасть именно сюда.

– Не случилось ли и с вами несчастья, как со мной?

– Нет, слава богу! Мое судно спрятано в густой чаще деревьев, где испанцам уж никак его не заметить.

– Браво, друг мой, это известие для меня тем приятнее, что, признаюсь, я не представлял, как мне выбраться из этой засады.

– Я в вашем распоряжении, как вам известно.

– Благодарю. Когда вы прибыли?

– Вчера в восемь часов вечера. Сегодня утром, прежде чем сойти на берег, осматривая местность, я заметил вашу лодку, огибавшую маяк. Не зная наверняка, кто находится в пироге, я, однако, с первого взгляда понял, что это лодка Береговых братьев. Я немедленно высадился на берег и пошел вас разыскивать, чтобы, если нужно, предложить вам свои услуги.

– Благодарю еще раз, дружище, за меня и моих товарищей, потому что мы действительно находились в довольно затруднительном положении. Я вижу, что случай, о котором я говорил, ничего не значит во всем этом деле... Позвольте задать вам еще один вопрос.

– Я к вашим услугам.

– Каким образом, разыскивая нас с самого утра, вы нашли нас только ночью?

– Позвольте мне сказать, что вы сами в этом виноваты.

– Каким образом?

– Вы разве не слыхали наших сигналов?

– Постойте, – сказал Тихий Ветерок, – кажется, я слышал ружейный выстрел незадолго до заката солнца.

– Да, рискуя быть услышанным индейцами – ведь вы знаете, что мы здесь на индейской земле, – мы с Питрианом не переставали стрелять целый дань.

– Мы слышали выстрелы только один раз.

– Да, – прибавил Монбар, – и не стали отвечать, боясь нарваться на испанских охотников.

– Испанцы не смеют показываться сюда: здешние жители – людоеды и ведут с ними ожесточенную войну.

– Это важные сведения.

– Словом, мы отчаялись найти вас и уже готовились вернуться к нашему судну, когда ружейный выстрел, которым Данник уложил медведя, указал нам на то место, где вы находитесь. Как видите, любезный Монбар, все очень просто.

— Это правда, любезный друг, но вы мне не сказали, что за причина привела вас к этим берегам. Впрочем, если эта причина должна оставаться тайной, то извините меня, будем говорить о другом.

— Нет никакой необходимости, друг мой, скрывать, особенно от вас, причины, которые привели меня на этот берег. Я прибыл сюда, чтобы тщательно осмотреть эту местность, так как собираюсь предпринять экспедицию против Маракайбо, в котором, если слухи не лгут, накоплены огромные богатства.

— Правду ли вы говорите, друг мой? — с живостью вскричал Монбар. — Неужели вы для этого приехали сюда?

— А для чего же другого?

— Правда, и платя откровенностью за откровенность, любезный Филипп, я скажу вам, что у мы с вами преследуем одну цель: я также хочу предпринять экспедицию против Маракайбо.

— Вот как! — радостно вскричал молодой человек. — Как это кстати! В таком случае я охотно уступаю вам право возглавить экспедицию — на это вам дают неоспоримые права ваш опыт и ваша слава, — с условием, чтобы я был вашим помощником.

— Решено? — спросил Монбар, протягивая ему руку.

— Ей-богу! — ответил молодой человек, энергично пожимая руку знаменитому флибустьеру. — Так решено, друг мой! Если вы желаете, с этой же минуты я отдаю себя в полное ваше распоряжение и предоставляю вам командование над своим судном.

— Принимаю ваше предложение так же чистосердечно, как вы сделали его мне. Что же касается экспедиции, вернее разведки, которую мы собираемся предпринять, вы сделаете мне одолжение, если сохраните командование над вашим судном; надеюсь в скором времени, когда мы вернемся сюда, поручить вам дело поважнее.

— Как вам угодно, любезный Монбар.

Данник не участвовал в этом разговоре, он деятельно занимался медведем. Сначала он отрубил ему четыре лапы, которые зарыл в золу, потом с необыкновенным проворством освежевал его, а мясо разрезал на куски, которые изжарил вместе с двумя великолепными форелями и чирком, насаженным на ружье, словно на вертел. Потом он нарвал апельсинов, лимонов и других плодов, положил листья вместо тарелок и, кончив все эти приготовления, приблизился к костру.

В эту минуту солнце во всем своем великолепии показалось на горизонте.

— Завтрак готов, — сказал Данник.

— Примемся же за еду, — откликнулся Тихий Ветерок.

— Мы поговорим за завтраком, — заметил Монбар.

— Тем более что я умираю с голода, — прибавил Питриан, до тех пор не раскрывавший рта.

Флибустьеры весело сели за стол, то есть каждый уселся на траве перед листом, который служил ему вместо блюда, и завтрак начался. Охотники никогда не едят долго, и завтрак авантюристов продолжался всего полчаса, да и то еще он длился слишком долго по причине количества, а особенно необыкновенного качества кушаний, которые подавал Данник.

Достойный великан не помнил себя от радости от похвал, которымисыпал его Монбар за кулинарное искусство. Когда был окончен завтрак и раскурены трубки, Монбар серьезно произнес:

— Теперь поговорим.

— Да, пора, — откликнулся Филипп.

— Расскажите мне о ваших планах, любезный друг, и объясните, каким образом намерены вы провести разведку города Маракайбо и крепости Гибралтар, потому что для успеха наших планов необходимо знать объект, который мы хотим атаковать, чтобы не совершить ошибки.

— Я думаю, — заметил Тихий Ветерок, — что было бы правильно вести разведку по отдельности.

– Объяснись, – сказал Монбар.

– Я хочу сказать, что одному из нас надо поручить исследовать побережье, другому – внутренние земли, третьему – город, а четвертому – крепость.

– Не считая пятого, который должен промерить глубину залива, а это очень важно, по моему глубокому убеждению, потому что залив изобилует песчаными отмелями, – заявил Питриан, – и наши суда рисуют потерпеть на них крушение.

– Питриан говорит дело, – заметил Монбар. – Каковы ваши соображения, любезный Филипп?

– Я полностью согласен, Монбар, все эти сведения действительно нам необходимы, и мы должны во что бы то ни стало добыть их.

– Хорошо, надо только договориться и распределить роли.

– Это право принадлежит вам одному, Монбар.

– Хорошо; вот, по моему мнению, как мы будем действовать. Тихий Ветерок, как старый, опытный моряк, возьмет на себя осмотр берега.

– Хорошо, лучшего я и не желаю.

– Данник исследует бухту. Это поручение самое опасное, требующее большой ловкости; я надеюсь, что он справится.

– Справлюсь, – ответил великан, польщенный доверием Монбара и горя нетерпением оправдать его.

– Остается осмотреть внутренние земли, город и крепость. Питриан долго был таможенным, это по его части; он возьмет с собой двух товарищей для защиты от индейцев, а Данник отдаст ему Монако, который ему пока не нужен.

– Хорошо, – ответил Питриан, – я прошу только два дня, чтобы узнать всю местность как свои пять пальцев.

– Теперь, – сказал Монбар, – остается только город и крепость. Мне кажется, здесь надо слегка изменить наш первоначальный план ввиду возможных препятствий, ожидающих нас. Вы говорите по-испански, как уроженец старой Кастилии, любезный Филипп; в свою очередь, я тоже хорошо говорю на этом языке. Вот как мы с вами поступим: мы вместе отправимся в Маракайбо; попав в город, мы будем действовать сообразно обстоятельствам. Что вы думаете об этом?

– Я полностью разделяю вашу точку зрения и готов смело следовать за вами повсюду, куда бы вы ни отправились.

– Так. Это решено. Теперь нам недостает только некоторых необходимых вещей, чтобы пробраться в город, не возбуждая подозрения. Однако я боюсь, что достать их невозможно.

Филипп лукаво улыбнулся.

– Что же это за необходимые вещи, любезный Монбар? – поинтересовался он.

– Во-первых и прежде всего, друг мой, одежда.

– У меня на судне три полных сундука.

– Прекрасно!.. Потом – золото, много золота. Признаюсь, я не спас ни одного пиастра во время кораблекрушения.

– Я могу предложить вам пятьдесят тысяч пиастров; этого достаточно?

– Конечно, друг мой, даже гораздо больше, чем требуется.

– Очень хорошо. Видите, до сих пор я отвечал на все ваши вопросы.

– И отвечали превосходно, друг мой. Мне остается задать вам еще один вопрос; к несчастью, я боюсь, что на него вы не сможете дать столь же благоприятного ответа, как на другие.

– Как знать! Посмотрим, каков ваш вопрос, друг мой.

– Вы знаете, не правда ли, что испанцы крайне подозрительны и принимают самые разные меры предосторожности, чтобы не позволить чужестранцам проникнуть в их колонии на материке.

– Да, мне это известно. Но что дальше?

– Вот и все, друг мой. Я спрашиваю себя, каким образом нам удастся проникнуть в город.

– О, очень легко!

– Что-то я в этом сомневаюсь.

– Фома неверный! – молодой человек улыбнулся. – Я не только обеспечу вас золотом и необходимой одеждой, чтобы как следует разыграть роль иадальго – или даже испанского графа, если вы пожелаете, – но сверх того постараюсь раздобыть бумаги, благодаря которым все городские власти предоставят вам полную свободу и даже всецело отдадут себя в ваше распоряжение.

– Если вам это удастся, любезный друг, я скажу, что вы просто маг и волшебник.

– Черт побери! – смеясь заметил Филипп. – Пожалуйста, только не говорите этого в Маракайбо. Я ужасно боюсь инквизиции и не хочу быть сожженным на костре.

– Вы приводите меня в глубочайшее изумление, друг мой. Как вам удалось подготовить все это?

– Но я же вам сказал, что прибыл сюда неспроста.

– Действительно, вы это говорили.

– Ну так вот, друг мой, уже три месяца я готовлюсь к этому.

Монбар несколько раз покачал головой.

– Что же вы качаете головой? – спросил его Филипп.

– Дорогой Филипп, – ответил Монбар с задумчивым видом, – я самый старый и самый близкий друг д’Ожерона, вашего дяди. Я помню вас еще ребенком; я знаю ваш характер так, будто вы мой родной сын. Ваше сердце великодушно, ваша душа благородна. Во всех наших экспедициях вы ищете прежде всего славы. Я несколько раз видел, как вы отказывались от очень прибыльных предприятий, потому что, по вашему мнению, в них можно было приобрести только деньги, но не славу… Прав ли я, Филипп?

– Правы, любезный Монбар. Но какой вывод делаете вы из этого наблюдения?

– Никакого, друг мой, просто теперь я знаю все, что желал узнать.

– Я вас не понимаю, Монбар, объяснитесь, пожалуйста.

– К чему, друг мой?

– Пожалуйста!

– Если так, я скажу: вам никогда не убедить меня, любезный мой друг, в том, будто вы хотите предпринять эту опасную экспедицию в надежде разграбить город, как бы ни был он богат.

– Извините, друг мой.

Монбар не ответил.

– Вы улыбаитесь и опять качаете головой, что же вы предполагаете?

– Я ничего не предполагаю, Филипп; сохрани меня Бог предполагать что-нибудь. Вы молоды, вот и все, а страсти молодости не похожи на страсти зрелого возраста; склонность – порок стариков.

Филипп слегка покраснел и в замешательстве потупил голову, но, тотчас совладав с собой, сказал:

– Ничто не мешает, любезный Монбар, обратить против вас ваши же собственные слова.

– Каким образом, друг мой?

– Вы любите деньги еще меньше меня: если бы вы захотели, то давно стали бы первым богачом среди флибустьеров.

– Вы правы, друг мой, я не люблю деньги.

– Хорошо; значит, и вам не удастся убедить меня, что вас толкает на эту экспедицию надежда на поживу.

– Я не стану уверять вас в этом.

– А! – воскликнул Филипп, смеясь. – Стало быть, вы преследуете иную цель?

– Не отрицаю.

– Какая же эта цель?

– Мщение! – сказал Монбар глухим голосом.

Филипп с минуту молчал.

– Может быть, и мной движет желание мстить, – наконец сказал он.

– Нет, Филипп, вы не питаете ненависти к испанцам.

– Ах! Что вы...

Монбар перебил его, улыбаясь:

– Я вам скажу, какие мотивы движут вами, если вы не питаете ко мне доверия настолько, чтобы самому признаться в этом: вы отыскиваете женщину, вы влюблены.

– Я?! – вскричал Филипп, делая отрицательный жест рукой.

– Я не требую от вас признания в вашей тайне. Напротив, сохраните ее, закопайте в самую глубину вашего сердца. Помните только, что я ваш друг и что в тот день, когда вы будете нуждаться во мне, я с готовностью приду к вам на помощь, что бы ни случилось.

– О-о! – только и мог произнести растроганный Филипп.

– Ни слова больше, друг мой. В эту минуту мы должны заняться делами гораздо более серьезными, чем то, о котором вы, без сомнения, хотели бы поговорить со мной теперь, когда узнали, что я проник в тайники вашей души; всему свое время. Подумаем о самом важном, а теперь для нас важнее всего вернуться на наше судно кратчайшей дорогой.

– Вы правы, друг мой, не будем же медлить.

– Кажется, вы говорили, что судно не очень далеко?

– Моя шхуна всего в двух лье отсюда. Если мы отправимся к нему по воде, то весь путь займет у нас около часа.

– Я предпочитаю, если вам все равно, проделать более продолжительный путь берегом; наша лодка очень мала, к тому же вчера нам так досаждали кайманы, что мне не хотелось бы опять иметь дело с ними. Нет, я не страшусь смерти; но я убежден, что человек, поставивший перед собой важную задачу, не имеет права безрассудно рисковать жизнью, прежде чем ему удастся выполнить эту задачу.

Флибустьеры, старательно спрятав лодку в кустах, чтобы иметь возможность найти ее в любой момент, пошли за Филиппом и Питрианом по проложенной хищными зверями едва заметной тропинке, которая должна была привести их к месту, где стояла шхуна.

Глава IV. План кампании

Тропинка, по которой шли авантюристы, вилась вдоль берега. Из бесчисленного множества кайманов, загромождавших прошлой ночью выход в озеро, осталось только несколько хищников; многие заснули на берегу, грязь на солнце и валяясь в грязи, другие лениво плавали неподалеку от берега. Флибустьеры обратили внимание на огромного каймана, который плыл по течению и страшно выл и кричал; по крайней мере сотня молодых крокодилов следовала за этим чудовищем, которое, вероятно, было их матерью или покровительницей. Они плыли друг за другом, составляя длинную колонну, не уклоняясь ни направо, ни налево. Все молодые особи казались примерно одного возраста; они достигали примерно пятнадцати дюймов длины, были с черными полосами или желтыми пятнами и походили по цвету на гремучих змей. Заслышив угрожающие крики огромного каймана, молодые хищники, забавлявшиеся в реке, спешили освободить дорогу, по-видимому не желая вступать с ним в борьбу.

Следуя вдоль берега, флибустьеры заметили на повороте несметное количество холмиков или маленьких пирамид, похожих на стога сена и раскинутых, как палатки, на берегу реки. Они находились на болотистой почве, возвышавшейся на четыре фута над уровнем воды. В окрестностях плавало множество взрослых кайманов.

Эти холмики были не чем иным, как гнездами хищников; многие были брошены, и рядом на земле валялась белая скорлупа от разбитых яиц.

Несмотря на то что флибустьеры спешили поскорее добраться до шхуны, любопытство их было так возбуждено, что они решили осмотреть эти гнезда, потому что хотя много слышали о них, однако до сих пор никто их не видел.

Вот что они обнаружили. Эти гнезда имеют форму усеченных конусов, четырех футов в высоту и пяти футов в диаметре. Они сложены из травы и тины. Крокодилы строят свои гнезда таким образом: сначала они кладут на землю слой травы и тины, а на него ряд яиц, который покрывают другим таким же слоем, дюймов в восемь толщины, потом другой ряд яиц и продолжают таким образом до вершины; в каждом гнезде заключается от ста до двухсот яиц. Вероятно, детенышам помогает выплывать солнечное тепло. Может быть также, что растительные вещества, примешанные к земле в постройке этих мест, нагретые солнцем, подчиняются какому-нибудь брожению, которое увеличивает количество тепла в этих гнездах; я предлагаю людям ученее меня решить этот интересный вопрос.

Окружающая местность носила очевидные следы присутствия крокодилов: вся земля вокруг была взрыта, так что не оставалось почти ни одного растения, между тем как дальше трава была очень густой и достигала высоты в шесть футов.

Очевидно, самка старательно следит за своим гнездом до тех пор, пока из всех яиц не выплываются детеныши, и, может быть, в то время как она караулит яйца, она берет под свое покровительство всех детенышней, появляющихся на свет в это же время из других гнезд, потому что детеныши никогда не бывают предоставлены самим себе. Здесь мы должны упомянуть, что любовь самки к своим детенышам удивительна и похожа во всех отношениях на отношение курицы к цыплятам; она так же внимательно и горячо защищает свой выводок, заботится о пище, и иногда можно услышать, как, лежа на солнце, она криками призывает детенышней к себе.

Лишь шестая часть всех детенышней, а часто и меньше, достигает зрелого возраста; взрослые крокодилы, нисколько не стесняясь, пожирают маленьких, пока те не в состоянии защищаться.

Американские кайманы ныне прекрасно известны, так что описывать их мы не станем; скажем только, что зрелая особь – это большое и страшное животное значительной силы, легкость и скорость которого в воде изумительны. Хотя в среднем его величина достигает два-

дцати футов, не более, некоторые особи достигают двадцати двух и даже двадцати трех футов. Рев их ужасен – этот страшный звук особенно по весне бывает похож на отдаленные раскаты грома.

Обычно какой-нибудь старый кайман становится хозяином небольшого озера или лагуны. Пятьдесят других, менее сильных, смеют реветь только в соседних бухтах. Иногда он показывается из зарослей тростника, служащего ему убежищем; он всплывает на поверхность воды и направляется к середине водоема. Скорость его, вначале весьма значительная, постепенно уменьшается. Достигнув середины озера, крокодил останавливается и сначала раздувается, глотая пастью воздух и воду, отчего его глотка издает громкий свист, делящийся около минуты. Но скоро вода начинает с шумом выходить из его пасти и ноздрей, образуя густой, как дым, пар. В то же время чудовище поднимает свой хвост и вертит им над водой. Иногда, раздувшись до такой степени, что готов лопнуть, он поднимает одновременно голову и хвост и начинает вертеться на воде.

В этих обстоятельствах кайман, царь лагуны, играет роль индейского вождя, устраивающего репетицию своих битв.

После этого он удаляется, тихо плывя и уступая место тем, кто осмелится показаться и сразиться друг с другом, чтобы привлечь внимание самки, которая им нравится и которая почти всегда присутствует при этих играх, внешне ничем не проявляя своей заинтересованности.

Вот главные черты нравов этих страшных земноводных.

Флибустьеры, удовлетворив любопытство относительно гнезд крокодилов, продолжили свой путь вдоль берега. Вскоре они дошли до великолепного леса лавровых и померанцевых деревьев, где остановились на час, чтобы немного отдохнуть и переждать самый жгучий зной. В этот час дня вокруг царила величественная тишина; в воздухе был слышен лишь монотонный писк комаров, роящихся над болотами.

Отдохнув и освежившись в восхитительной тени деревьев, флибустьеры по знаку Филиппа встали и продолжили путь. На этот раз они отошли от реки и углубились прямо в лес.

– Скоро мы придем? – спросил Монбар после часа ходьбы. – День уходит, и я боюсь, как бы мы не заблудились, друг мой.

– Этого нечего опасаться. Мы направляемся прямо к берегу; не пройдет и часа, как мы окажемся на шхуне.

– Не скрою, я буду этому очень рад. Я всегда был плохим пешеходом; этот путь по едва проложенным тропинкам меня страшно утомляет.

– Взгляните на Монако, – сказал Филипп, – он почуял наших часовых; очевидно, мы гораздо ближе к цели, чем я полагал.

Действительно, собака начала проявлять признаки беспокойства; она носилась взад и вперед, виляя хвостом и тихо и радостно повизгивая.

– Кто идет? – вдруг раздался громкий голос человека, еще невидимого за деревьями, скрывавшими его. Послышался звук взводимого курка.

– Друг, – поспешил ответить Филипп, – Береговые братя!

В ту же минуту ветви раздвинулись и показались несколько флибустьеров. Увидев Монбара, столь любимого и уважаемого всеми Береговыми братьями, они бросились к нему и окружили с радостными криками и приветствиями. По знаку Филиппа восстановилась тишина, и все направились к судну, которое скоро заметили в узкой и неглубокой бухте; густая завеса из корнепусков не давала увидеть шхуну с реки.

Это было изящное судно водоизмещением в триста тонн, легкое, гибкое, которое, когда ветер надувал его паруса, должно было лететь по воде с неимоверной быстротой. Монбар и Филипп бросились в лодку и отправились на шхуну.

Знаменитый флибустьер, взойдя на судно, с удовольствием отметил про себя, что оно равно было готово и сражаться и бежать, в зависимости от того, как сложатся обстоятельства. Филипп соблюдал строгую дисциплину на своем судне. Все было в порядке, все опрятно, что было редкостью на флибустьерских судах. Оба флибустьера спустились в каюту и сели друг возле друга на складных стульях. По приказанию Филиппа прелестный маленький юнга лет десяти, с лукавыми чертами лица, с хитрой рожицей, поставил перед ними прохладительные напитки и вышел.

– Вы взяли с собой сына Марселя? – заметил Монбар, приготавливая оранжад.

– Да; после смерти отца бедняжка остался совсем один. Он почти умирал с голоду, и я взял его к себе.

– Это доброе дело. К тому же этот мальчик очень мил. Он кажется проворным и гибким, как шелковинка.

– Мы его так и прозвали, и это имя подходит к нему во всех отношениях.

– Я тоже так думаю, – ответил Монбар.

Он выпил, прищелкнул языком, со стуком опустил стакан на стол и взглянул своему собеседнику прямо в глаза.

– Конечно, все это очень трогательно, – сказал он, – но не поговорить ли нам о другом?

– Я очень этого желаю, но о чем?

– О том, каким образом мы проберемся в Маракайбо и как там будем себя держать; вы не находите, что этот предмет интересен для нас?

– Да, конечно, но я не смею приступить к нему без вашего согласия.

– Очень хорошо; говорите, друг мой, я вас слушаю.

– Должен вам признаться, любезный Монбар, что при моем необразованном уме и недостатке воображения я предпочел бы, чтобы именно вы потрудились составить план, который затем объяснили бы мне и который я был бы готов исполнить; это очень упростило бы мою задачу.

– Вы возводите на себя напраслину, друг мой, – ответил Монбар с тонкой улыбкой, – но если вы непременно этого желаете и дабы не терять драгоценного времени на ненужные комплименты, я охотно представлю вам выработанный мною план, который, разумеется, мы обдумаем вместе.

– Ваше здоровье!

Флибустьеры чокнулись стаканами, опорожнили их, и Монбар снова заговорил:

– Могу я говорить с вами откровенно и без всякой сдержанности? – осведомился он, вопросительно взглянув на Филиппа.

– Сделайте одолжение.

– Точно могу?

– Я клянусь вам, Монбар, – искренне ответил молодой человек и протянул ему руку, которую флибустьер тотчас пожал.

– Хорошо! – сказал он. – Надеюсь, мы поймем друг друга.

– Я убежден в этом.

– Сначала поговорим о фактах.

– Конечно.

– Какие бы причины ни заставляли действовать вас и меня, мы стремимся к одной цели – захватить Маракайбо.

– Так.

– Мы хотим достичь этой цели во что бы то ни стало.

– Во что бы то ни стало.

– Очень хорошо; таким образом, вопрос значительно упрощается. Я обещал вам говорить откровенно, слушайте же меня внимательно. Вы не рассказали мне ничего; следовательно, я

не поверенный ваш и не сообщник, и сохраняю относительно вас свободу действия, – вы это признаете?

– Вполне.

– Единственное, что, по моему мнению, движет вами, – это желание отыскать женщину и похитить ее... Нет-нет, не прерывайте меня, – поспешил добавил флибустьер, протягивая к Филиппу руку. – Следовательно, причина эта – любовь, то есть страсть, а страсть не рассуждает, она увлекает и часто толкает на погибель тех, кем овладела. Вы видите, что я рассуждаю холодно и логично, потому что дело это слишком серьезно и требует всех усилий нашего ума и воображения.

– Продолжайте, продолжайте, друг мой; я не пропускаю ни слова из того, что вы говорите.

– Итак, отсюда я заключаю: командование экспедицией должно быть предоставлено одному мне; я должен иметь право действовать всегда и во всем по своему усмотрению. Вы поклянетесь вашей честью, что будете во всем повиноваться мне. Подумайте, можете ли вы дать мне такую клятву? Говорите, я слушаю вас.

– Монбар, – серьезно ответил Филипп, – я признаю справедливость всего сказанного вами. Клятву, которую вы требуете от меня, я дам вам не колеблясь... Клянусь честью повиноваться вам во всем, не требуя от вас отчета в ваших поступках!

– Я вижу, что не ошибся на ваш счет, Филипп, и что вы именно таков, каким я вас считал. Будьте спокойны, друг мой, я не употреблю во зло власть, которую вы мне даете, а напротив, использую ее к нашей взаимной выгоде, потому что, может быть, даже больше вас я желаю, чтобы наши усилия увенчались успехом. Итак, вот что мы сделаем. Вы говорите, что у вас есть необходимые бумаги?

– Есть.

– Поиските, не найдется ли среди этих бумаг такой, которая обеспечивала бы высокое положение.

Филипп встал, отпер ключом, висевшим у него на шее на стальной цепочке, сундук, стоявший в углу каюты, и вынул оттуда кучу бумаг, которые начал внимательно проглядывать.

– Кажется, я нашел именно то, что нам нужно, – сказал он через минуту, подавая Монбара несколько листков пожелтевшего пергамента, – вот фамильные бумаги какого-то графа л'Аталайя; этот граф две недели назад был захвачен в плен на испанском корабле невдалеке от берегов Ямайки.

– Откуда он плыл?

– Из Испании.

– Прекрасно; а что с ним стало?

– Он умер от ран, полученных во время абордажа; он защищался как лев, по словам Пьера Леграна, командовавшего флибустьерским судном, которое завладело испанским кораблем.

– Тем лучше. Посмотрим эти бумаги.

Он начал быстро пробегать их глазами.

– Очень хорошо, – наконец произнес он, – этот граф дон Пачеко де л'Аталайя был послан в Мексику испанским правительством с поручением проверить счета интендантов и был уполномочен в случае надобности арестовать виновных и отослать в Испанию. Вот его назначение. Кроме того, вот пачка писем, перевязанных лентой, с королевскими повелениями, адресованными ко всем вице-королям и интендантам. Вы не могли выбрать лучше, любезный друг; это именно то, как вы сказали, что нам нужно; бесполезно отыскивать что-нибудь другое. Слушайте же: я – граф дон Пачеко де л'Аталайя, посланный Его Католическим Величеством, королем Испании Филиппом Четвертым, вы – дон Карденио Фигера, его личный секретарь; эти имя и звание упомянуты в бумагах. Кстати, не знаете ли вы, что случилось с этим доном Карденио?

– Пьер Легран продал его Красивой Голове.

– Ну, тогда мы можем быть абсолютно спокойны: если он еще не умер, то наверняка чуть жив; мы с вами знаем, как наш приятель Красивая Голова обращается со своими слугами... Шелковинка говорит по-испански?

– Как кастилец.

– Хорошо. Он мой паж, и зовут его Лопес Карденас. Помимо этого нам нужны трое слуг; человек такой важный, как я, не может иметь меньше. Этими тремя слугами будут Данник, Питриан и Тихий Ветерок. Вы замените их людьми надежными и умными. Эти трое хорошо говорят по-испански, они решительны и могут оказаться нам очень полезны.

– Кроме того, нам не нужно будет нанимать посторонних слуг, и наша тайна останется между нами.

– Решено. Теперь осталось только переодеться в наши костюмы, взять золото и...

– Простите, – перебил Филипп, – а кто перевезет нашу поклажу?

Монбар расхохотался.

– Какое ребячество прерывать меня из-за такой безделицы! Прикажите сниматься с якоря. В десяти лье к востоку находится жалкое селение, колония, основанная когда-то Эрнандо Кортесом, ныне почти брошенная; там мы найдем все, чего нам недостает. Теперь вы меня понимаете?

– Еще бы!

– Как только мы высадимся на берег, ваша шхуна вернется сюда и встанет на якорь, для того чтобы в случае необходимости всегда быть у нас под рукой.

Глава V. Шхуна «Мадонна»

На следующий день после разговора Монбара с Филиппом изящная испанская шхуна обогнула мыс Какиба-Коа и направилась к горловине, ведущей в озеро Маракайбо, обменявшись сигналами со Сторожевым островом и ответив выстрелами из шести бронзовых пушек, находившихся на ней, на салют форта Барра на Голубином острове.

Опытному взгляду моряка невозможно было ошибиться в достоинствах этого судна; по парусам, по окраске и по форме легко можно было узнать испанское военное судно. С Голубиного острова легкая лодка с двумя гребцами направилась к шхуне, которая остановилась, поджиная ее. В лодке сидел лоцман. Он закричал, спрашивая, не нужны ли шхуне его услуги. После утвердительного ответа командира он поднялся на судно по сброшенному для него трапу; лодку шхуна взяла на буксир и продолжала путь.

Прежде чем продолжить наш рассказ, мы опишем в нескольких словах страну, где будут происходить самые важные сцены этой истории. Между мысом Грасиас и рекой Ориноко простирается изрезанная линия побережья, протянувшаяся на огромное расстояние. Первооткрывателями этих берегов были дон Алонсо Охеда, Васко Ну涅с де Бальбоа, открывший Тихий океан, Хуан Ла Коса и Америго Веспуччи. Земли в глубь материка вдоль этого побережья были названы испанцами из-за своих неисчислимых богатств Золотой Кастилией.

Мы обратимся только к части этих земель, расположенных между Магдаленой и Ориноко, где находится Венесуэльский залив. Испанцы дали ему такое название, потому что берег здесь очень низкий, защищенный от наводнений песчаными дюнами, и оттого что первооткрыватели этих земель нашли местных жителей, обитающих в хижинах, которые построены на вершинах деревьев, и сообщавшихся между собой только с помощью лодок, подобно жителям Венеции. Залив этот начинается у мыса Сан-Роман под двенадцатым градусом северной широты и кончается у мыса Какиба-Коа между двенадцатым и тринадцатым градусом той же широты. Флибустьеры прозвали его Маракайбским заливом. У выхода из этого залива в открытое море находятся острова Аруба и Лос-Монхес. Венесуэльский залив вдается в сушу на расстояние до сорока лье. В глубине залива, в узкой горловине, расположены два островка, каждый приблизительно по одному лье в окружности. В горловине, между этими островками, протекает вода большого озера Маракайбо и впадает в Венесуэльский залив. Через это препятствие могут проходить только легкие суда. Первый из островков, упомянутых нами, носил название Исла-де-Вихия – Сторожевой остров; на втором, называемом Исла-де-Паломас – Голубиным островом, возвышался форт Барра с шестнадцатью орудиями крупного калибра. Миновав горловину, попадаешь в большое озеро, получающее воду из шестидесяти шести рек.

Весь восточный берег озера низок и почти постоянно затоплен; с этой-то стороны в восемьдесят километрах от устья озера, на магнолиях, словно в гнездах, жили индейцы, о которых мы говорили.

Город Маракайбо, цель флибустьеров, возвышается амфитеатром на берегу озера. Нарядные дома, украшенные балконами и резьбой, выходили на небольшую пристань, в любое время заполненную торговыми судами. Сам город, с прямыми и широкими улицами, насчитывал пять тысяч жителей. В нем было четыре монастыря, несколько церквей и богатая больница. Гарнизон, один из важнейших в этой стране, состоял из восьмисот отборных солдат.

Немного дальше, по другую сторону озера, возвышался очаровательный городок Гибралтар, близ которого торговцы из Маракайбо и Мерида, города, находившегося в двадцати пяти лье южнее Гибралтара, по другую сторону гор, построили для себя дачи.

В Мериде, одном из самых прекрасных городов Нового Света, находилась резиденция правительства и генерал-губернатора.

Командир шхуны очень любезно принял лоцмана и тотчас передал ему управление судном. Ветер, до сих пор довольно сильный, спал при входе в горловину; но шхуна, несмотря на это, довольно легко обошла песчаную отмель, препятствующую входу в озеро.

— Какое прекрасное у вас судно! — заметил капитану лоцман. — Я его не знаю; вероятно, оно в первый раз в этих краях?

— Действительно, в первый раз, — ответил капитан, — впрочем, оно построено в Ла-Корунье, верфи которой, как вам известно, славятся по всему свету.

— Да-да. Что ни говори, — продолжал лоцман с горделивым убеждением, — испанский флот — лучший в мире, и нигде вы не найдете таких искусных строителей судов. Вы не заходили ни в какую гавань, прежде чем прибыли сюда?

— Я пробыл две недели на Эспаньоле.

— А-а! Ваш путь был благополучен?

— Вполне. Мы встретили только два подозрительных судна, но легко ушли от них.

— Да, ваша шхуна может спокойно выдержать погоню. Эти суда, вероятно, принадлежали сент-кристоферским флибустьерам... Вы знаете, что они опять взяли Черепашний остров?

— Я этого не знал; как же это случилось?

— Никто не понимает. Эти воплощенные демоны неизвестно каким образом проникли на остров и захватили в плен гарнизон, прежде чем испанцы поняли, с каким врагом имеют дело.

— Да-а, жаль.

— Очень жаль! Вице-король Новой Испании взбешен. Он поклялся заставить флибустьеров дорого поплатиться за это новое злодеяние; кажется, он даже начал приводить угрозу в исполнение, и из Веракруса вышел мощный флот⁴.

— Что ж, дай бог, чтобы им удалось наказать этих демонов, как они того заслуживают.

— Теперь, капитан, если позволите, мы выйдем на открытое пространство, пройдем между островом Борика и твердой землей и войдем в гавань.

— В Маракайбо, должно быть, находится много судов?

— В это время года очень мало, только семь или восемь прибрежных судов. Но через месяц придут суда из Европы, и тогда гавань примет совершенно иной вид.

Все было исполнено, как говорил лоцман, и шхуна бросила якорь немного впереди торговых судов, на месте, предназначенном для стоянки военных кораблей.

Лоцману заплатили и отпустили его; шхуна подобрала паруса с быстротой и четкостью военного судна, после чего команда по приказанию боцмана стала спускать шлюпки на воду.

Командир прохаживался на штирборте, разговаривая с человеком уже пожилым, должно быть пассажиром, когда к вахтенному офицеру почтительно подошел юнга и доложил, что несколько человек в шлюпке отчалили от пристани и быстро приближаются к шхуне. Вахтенный тотчас доложил обо всем командиру. Тот остановился, некоторое время внимательно рассматривал шлюпку, потом наклонился к вахтенному офицеру, шепнул ему на ухо несколько слов и сделал знак пассажиру, с которым разговаривал, следовать за ним, после чего оба сошли в каюту.

В этой каюте два других человека курили сигары, попивая оранжад из бокалов богемского хрустяля.

— Ну что? — спросил по-французски один из них, как только командир показался на пороге.

— Ну, — ответил командир, весело потирая руки, — до сих пор все идет прекрасно. Лоцман убежден, что мы чистокровные испанцы. «Мадонна» делает чудеса; она обладает всеми признаками частной кастильской шхуны. Лоцман в восторге от нас; вероятно, в эту минуту он воспевает нам похвалы во всех городских кабаках.

⁴ Флотом в описываемые времена назывались крупные соединения кораблей.

– Надо признаться, Пьер Легран, – ответил первый собеседник, которым был не кто иной, как Филипп, – что ты много сделал для нашего успеха. Ты прекрасно играешь свою роль. Тебя просто нельзя не принять за настоящего сеньора.

– Экая хитрость! – смеясь, возразил Пьер Легран. – Ведь я из Байонны. Но будьте внимательны, братья, шлюпка приближается; в ней, верно, находятся городские власти. Теперь надо не ударить лицом в грязь и не сплоховать.

– Не беспокойся, – сказал Филипп, смеясь, – твой успех подстегнул нас; мы будем достойны тебя. Кому из офицеров ты поручил принять гостей?

– Баску.

– Хорошо; стало быть, все к лучшему. Он по крайней мере такой же кастилец, как и мы.

Это мнимое испанское судно действительно было шхуной Филиппа. Флибустьеры с отливающей их безумной отвагой без колебаний решились на это сумасбродное предприятие в убеждении, что если все пройдет успешно, что, впрочем, было весьма возможно, то они легче и скорее добьются сведений, необходимых для смелой экспедиции, замышляемой ими. Они решили также, если это предприятие им не удастся и они будут узнаны, скорее взорвать себя на воздух, чем сдаться испанцам. Впрочем, мы должны сказать, что все меры, диктуемые благородствием, были приняты со всей тщательностью.

Испанская шхуна, которую Пьер Легран и Филипп захватили некоторое время тому назад и сделали флибустьерским судном, опять приняла вид испанского судна, даже взяла свое прежнее название «Мадонна», которое Филипп сменил было на название «Кокетка»; оснащение было сделано заново, команда надела костюм матросов кастильского флота. Словом, никогда еще столь сумасбродная экспедиция не была задумана и исполнена с таким блеском.

Демоны-флибустьеры, нимало не заботясь об опасностях, сгущавшихся над их головами, хохотали, как сумасшедшие, над шуткой, которую они играли со своими неумолимыми врагами. Подобная шалость была совершенна в их характере и привычках и невыразимо забавляла их. Каждый всеми силами старался хорошо разыграть роль, назначенную ему в этой трагикомедии, которая могла с минуты на минуту вследствие непредвиденной случайности окончиться резней и убийством. Но это соображение не входило в расчет флибустьеров: они хотели как следует позабавиться и изо всех сил старались добиться успеха.

Между тем шлюпка с опытными гребцами быстро приближалась к шхуне. Мигель Баск, узнавший по мундиру старшего офицера в шлюпке, поставил нескольких матросов возле трапа, и когда испанский офицер взошел на шхуну, ему были отданы все почести, соответствующие его званию.

Как только этот офицер, которым был не кто иной, как дон Фернандо д'Авила, бывший губернатор Тортуги, ступил на палубу шхуны, перед ним предстал Мигель Баск. Оба церемонно поклонились друг другу.

– С кем имею честь говорить, кабальеро? – вежливо осведомился Мигель.

– Сеньор офицер, – ответил дон Фернандо с такой же вежливостью, – я – дон Фернандо д'Авила, губернатор города Маракайбо.

– Добро пожаловать, сеньор губернатор, – сказал Мигель с почтительным поклоном.

– Сеньор, – продолжал губернатор, – я узнал шхуну Его Католического Величества «Мадонна», которая вошла в гавань Санто-Доминго в тот самый день, когда я покидал этот город, чтобы отправиться сюда по приказанию Его Католического Величества.

– Вы не ошиблись, кабальеро, эта шхуна действительно называется «Мадонна».

– Об этом мне сказал лоцман, который вел вас и у которого я осведомлялся. Я поспешил приехать, потому что, если не ошибаюсь, у вас на шхуне должен находиться сеньор дон Пачеко де л'Аталайя, и я первый хочу его приветствовать с прибытием в наш город.

– Мы действительно имеем честь считать в числе наших пассажиров графа де л'Аталайя, кабальеро; он сел на нашу шхуну в Санто-Доминго.

— Да, мне сообщили, что он должен был воспользоваться вашим судном, чтобы добраться сюда. Угодно вам, сеньор, представить меня его сиятельству?

— Вот наш капитан, сеньор, — сказал Мигель, кланяясь Пьеру Леграну, который в эту минуту показался на палубе. — Он будет иметь честь сам представить вас сеньору графу.

Дон Фернандо д'Авила подошел к Пьеру Леграну, обменялся с ним поклонами и обратился к нему с той же просьбой, что и к Мигелю.

— Господин губернатор, — ответил Пьер Легран, — его сиятельство только что хотел отправляться на берег; я не сомневаюсь, что он будет очень рад увидеться с вами здесь и преисполнится благодарности к вам за ту поспешность, с какой вы явились сюда. Не угодно ли вам следовать за мной?

Пройдя вперед, чтобы показывать дону Фернандо дорогу, Пьер Легран спустился в каюту. Она была пуста. Указав губернатору на стул, Пьер Легран позвонил. Явился юнга.

— Доложите его сиятельству графу де л'Аталайя, — сказал Пьер Легран, — что сеньор губернатор ждет его приказаний.

Юнга поклонился и вышел. Через минуту он явился опять и доложил:

— Сеньор дон Пачеко граф де л'Аталайя!

Вошел Монбар. Дон Фернандо поспешил встать и поклонился ему.

— Кажется, вы — капитан дон Фернандо д'Авила, — произнес Монбар, с достоинством отвечая на его поклон. — Я слышал о вас много очень лестного и рад познакомиться с вами, сеньор.

— Ваше сиятельство приводите меня в смущение, — ответил губернатор, снова кланяясь, — я не заслуживаю...

— Извините, — с живостью перебил Монбар, — вы честный слуга Его Католического Величества, и в этом отношении вы имеете право на мое уважение. Позвольте мне поблагодарить вас за поспешность, с которой вы захотели представиться мне. Впрочем, я сам собирался нанести вам визит.

— Я должен был сделать первый шаг, ваше сиятельство; я был обязан явиться за вашими приказаниями и имею честь сообщить вам, что подготовил для вашего сиятельства и вашей свиты лучшие комнаты в занимаемом мною дворце.

— А вот этого я не допущу, любезный губернатор. Будучи искренне благодарным вам за ваше вежливое предложение, я решительно отказываюсь. Я не хочу быть вам в тягость; кроме того, скажу вам между нами, для надлежащего выполнения данного мне поручения я должен пользоваться полной свободой... Вы меня понимаете, не так ли?

— Ваше сиятельство...

— Это решено, — перебил Монбар. — Возвращайтесь на берег и найдите, мне все равно где, дом — очень простой и очень скромный.

— Однако...

— Молчите, — перебил Монбар, слегка дотронувшись до его руки, — я имею веские причины, которые скоро вам объясню, чтобы действовать таким образом.

— Если вы, ваше сиятельство, требуете, я буду повиноваться.

— Благодарю; поверьте, любезный губернатор, что я чрезвычайно ценю вашу любезность.

— В таком случае я прощаюсь с вашим сиятельством, чтобы как можно скорее исполнить ваши желания.

— И как только найдете нужный мне дом, сразу же сообщите.

— Если вы, ваше сиятельство, мне позволите, я сам доставлю вас туда.

— С величайшим удовольствием.

Они обменялись еще несколькими фразами, после чего дон Фернандо уехал, очарованный благосклонным приемом, которым удостоил его граф де л'Аталайя.

Глава VI. В доме

Когда дон Фернандо д'Авила уехал, предводители флибустьеров, оставшись одни на шхуне, предались безоглядной радости, которую внушил им столь неожиданный и полный успех их отчаянно смелого поступка. Задуманное ими отважное предприятие превосходило все, что значилось до сих пор в летописях Береговых братьев – летописях, безусловно наполненных достославными подвигами.

Действительно, авантюристы, несмотря на свою храбрость, вошедшую в поговорку, никогда еще не отваживались на такую опасную операцию, чтобы выведать тайные планы своих врагов. Ни Морган, ни Олоне – ни один из героев флибустьерства не осмеливался сыграть столь рискованную партию.

Однако когда прошла первая минута восторга, последовало отрезвление, и авантюристы стали опасаться такого полного и непредвиденного успеха. Им казалось невозможным продолжать долго разыгрывать свои роли, ломать эту комедию, не подвергаясь опасности быть со временем узнанными. Тревожно устремив глаза на город, белые дома которого амфитеатром поднимались от берега, они спрашивали себя, не лучше ли, пока еще есть время, воспользоваться наступающей ночью, поднять паруса и выбраться из ловушки, в которую они так безрас-судно устремились. Испанцы достаточно часто имели дело с флибустьерами, и представлялось довольно вероятным, что в городе с пятью тысячами жителей и с гарнизоном из восьмисот солдат найдется какой-нибудь человек, который узнает одного из командиров со шхуны.

Размышления эти, конечно несколько запоздалые, омрачили лица авантюристов; благоразумие вдруг одержало верх, и эти храбрые люди невольно почувствовали непреодолимый ужас при мысли о страшном возмездии, на которое решатся испанцы, открыв обман, жертвой которого они оказались. Скоро этот ужас усилился настолько, что шхуна чуть было не распустила паруса.

Только два человека остались тверды и непоколебимы в своем намерении отправиться на берег и довести до конца осуществление задуманного плана – Монбар и Филипп. Причины, подвигнувшие их на это, были настолько серьезны, что любые соображения должны были отступить перед желанием преуспеть в этом предприятии. Хладнокровно подвергнув опасности свои жизни и жизни своих товарищ, поставив перед собой цель во что бы то ни стало пробраться в Маракайбо и ожидая получить желанную награду за свои усилия, они не могли согласиться постыдно удалиться, поддавшись страху, недостойному их львиных сердец. Монбар энергично восстал против намерений своих товарищ, он доказывал им, что грозная слава, сопутствующая флибустьерам, поможет им устоять против испанцев даже в том невероятном случае, если они будут узнаны. Самое худшее, что могло с ними случиться, – это битва, а поскольку ни в бухте, ни в озере не было ни одного испанского судна, флибустьерам не грозила опасность с моря, и в случае необходимости они могли без особого риска ретироваться, что является разумной мерой, когда приходится бороться с силами, во сто крат превосходящими свои собственные; но в данную минуту ретирада оказалась бы делом постыдным, так как для нее не было никаких причин.

Эти возражения, горячо поддерживаемые Филиппом, достигли поставленной Монбарам цели; флибустьеры скоро позабыли о страхе, овладевшем ими, и поклялись Монбару оставаться ему верными и скорее умереть всем до единого, чем бросить его.

Как только Филипп увидел дона Фернандо д'Авила, он немедленно узнал в нем бывшего губернатора Тортуги и опекуна доньи Хуаны. Он тут же решил как можно скорее остаться одному в Маракайбо, тем более что именно с этой целью устроил он экспедицию и снарядил шхуну.

Когда волнение, вызванное соображениями, которые мы привели выше, утихло и все пришло в порядок, решили, что ночью шхуна приблизится к берегу, чтобы иметь возможность поддерживать постоянную связь с городом, а Пьер Легран и Мигель Баск станут измерять глубину залива и вести наблюдение за местностью, будучи наготове сняться с якоря при первом сигнале. Кроме того, условились, что ни один человек из экипажа, за исключением командира, не должен покидать борта корабля. Юнге Шелковинке было поручено осуществлять связь между Монбаром и командой на шхуне. На судне должна была поддерживаться самая строгая дисциплина, и так как малейшее неповинование могло послужить причиной всеобщей гибели, ослушавшийся подвергался немедленному расстрелу; кроме того, для устранения всяких непредвиденных случайностей доступ к шхуне будет строго воспрещен городским жителям.

Меры эти обсуждались на общем совете и были приняты флибустьерами, торжественно поклявшимися в их неукоснительном исполнении.

Покончив с этим делом, занялись вопросом о поездке на берег. Сойти на берег собирались шестеро: Монбар под именем графа дона Пачеко де л'Аталайя, как чрезвычайный ревизор; Филипп под именем дона Карденио Фигера, его личный секретарь; Данник, Питриан и Тихий Ветерок под именами Хосе, Нардо и Нико, слуги графа; наконец, Шелковинка, или Лопес Карденас, его паж.

Монбар собрал пятерых товарищев в каюте и дал им последние инструкции. Роли, которые им предстояло играть, были тем труднее, что они не должны были забывать о них ни на одну минуту. Поэтому Монбар несколько раз повторил, как важно постоянно быть начеку. Когда он удостоверился, что все в совершенстве изучили его инструкции, то велел спустить на воду две шлюпки.

В первую сошли Филипп, юнга и сам Монбар, три других флибустьера сели во вторую шлюпку, захватив с собой поклажу. Потом Монбар, оглянувшись вокруг со странным выражением, приподнялся в шлюпке, снял шляпу, с улыбкой кивнул флибустьерам и громким голосом обратился к своим гребцам.

— Гребите, ребята, — сказал он, — и помните, что с этой минуты ни одного французского слова не должно сорваться с ваших губ.

Шлюпка быстро направилась к пристани, где уже собралась довольно значительная толпа, по-видимому с нетерпением поджидавшая появления знатной особы, прибывшей на шхуне «Мадонна».

Дойдя до этого места в нашем повествовании, мы смиренно признаемся, что не решались бы продолжать, если бы в наших руках не было подлинных доказательств событий почти фантастических, о которых мы взялись рассказать. Действительно, не превосходит ли игру самого смелого воображения храбрость этих людей, которым так легко удалось провести целый город! Поражает и то легковерие, с каким население этого города во главе с властями позволило себя обманывать, даже не подозревая, несмотря на многочисленные проделки флибустьеров, жертвой которых они уже не раз оказывались, что и на этот раз они сделались игрушкой в их руках? Правда, в то время сообщение было довольно затруднительным, суда приходили из Европы достаточно редко, и испанские колонии почти всегда находились в полном неведении не только относительно событий, происходящих в метрополии, но и относительно того, что происходило в соседних колониях. Такое неведение способствовало успеху планов флибустьеров, которые, постоянно крейсируя у важнейших гаваней на материке и островах, были прекрасно осведомлены обо всех интересующих их событиях, нападая на корабли испанцев, допрашивая пленников и перехватывая депеши, находившиеся на судах, прибывавших из Европы и возвращавшихся туда. Прибавим еще, что в важнейших пунктах авантюристы держали своих шпионов, которые оповещали их обо всех интересующих событиях с помощью специальных сигналов, посылаемых с берега.

Обе шлюпки подошли к пристани и остановились у лестницы. Дон Фернандо д'Авила в парадном мундире полковника испанской армии – чин, полученный им недавно, – ждал путешественников в окружении главного штаба гарнизона и виднейших представителей городских властей.

После первых приветствий и обычных представлений дон Фернандо велел привести лошадей для Монбара и Филиппа. Вся свита села на лошадей и среди громких криков толпы, пушечных выстрелов и звуков военного оркестра направилась шагом к главной площади.

Дом, который дон Фернандо велел приготовить для Монбара, находился на самой площади, недалеко от собора, как раз напротив губернаторского дворца. У дверей стояла почетная стража. Дон Фернандо сошел на землю, приглашая флибустьеров следовать за собой в дом, внутреннее расположение которого он любезно предложил показать им лично. Вскоре губернатор откланялся, предоставив графу де л'Аталайя располагаться по своему усмотрению; однако, уходя, он взял с графа обещание в тот же вечер вместе с секретарем присутствовать на пиршестве, которое городские власти устраивали в его честь.

Как только за испанцами закрылись двери дома, флибустьеры перевели дух; постоянное напряжение, в котором они вынуждены были находиться, начинало их утомлять, они чувствовали настоятельную необходимость перевести дух и осмотреться.

Прежде всего они отправились осматривать дом. За короткое время губернатору удалось все прекрасно устроить. Дом оказался большим, с просторными комнатами и великолепным садом позади. Особенно флибустьеров восхитило то, что этот дом, настоящий дворец, имел три отдельных выхода: первый, главный, вел на площадь; второй, скрытый в тени сада, – на улицу Бодегон, а третий из помещения для слуг выводил на улицу Платерос. Это обстоятельство чрезвычайно обрадовало флибустьеров, ведь таким образом они могли входить в дом и покидать его незаметно и не подвергались опасности быть заключенными в этом доме, как в тюрьме. Кроме того, сад, наполненный очень редкими тропическими растениями, с тенистыми боскетами⁵, с трудом пропускал солнечные лучи и давал возможность принимать посетителей и вести беседу, не опасаясь шпионов.

Поскольку процессия, состоявшая из прибывших гостей и сопровождавших их лиц, двигалась крайне медленно, поклажа авантюристов прибыла раньше их, так что все было приведено в порядок прежде, чем они вошли в дом. Монбар наконец ушел в свою комнату, чтобы на некоторое время предаться отдыху, предоставив Филиппу позаботиться о прислуге.

Филипп с честью выполнил это щекотливое поручение. Прежде всего он отправился к офицеру – командиру почетной стражи, поставленной у дверей, горячо поблагодарил его и отпустил вместе с солдатами, отдав от имени его сиятельства кошелек, полный золота, для раздела между солдатами, которые удалились с радостными криками. После этого Филипп нанял повара, дворецкого, шестерых лакеев, двух помощников повара и четырех конюхов. Эти люди не должны были входить в комнаты, где могли находиться только доверенные слуги графа: Данник, Тихий Ветерок и Питриан. Они поступали в распоряжение Нардо, или Питриана, названного управляющим его сиятельства. Разобравшись таким образом с прислугой, Филипп велел привести лошадей, выбрал двенадцать лучших, которых тотчас поставил в конюшню. Молодой человек, успевший подумать обо всем, рассудил, что в данную минуту хорошо иметь под рукой лошадей. Питриан, Тихий Ветерок, Данник и Шелковинка были помещены в комнатах, находящихся рядом с комнатами Монбара и Филиппа, так чтобы они и днем и ночью, ежечасно могли общаться со своими мнимыми господами и в случае надобности поспешить к ним на помощь. Питриан получил строгий наказ никогда не ложиться спать, не осмотрев предварительно каждый уголок и закоулок в доме и не заперев на ключ в людских всю испанскую прислугу.

⁵ Декоративная роща.

Все это заняло довольно много времени, и было уже около пяти часов вечера, когда Филипп наконец освободился и отправился к Монбару, перед которым подробно отчитался о проделанной работе. Монбар одобрил его действия, и оба в сопровождении Данника, переодевшегося камердинером, отправились на званный обед, устраиваемый губернатором в их честь.

— Мы только покажемся на этом пиршестве, — сказал Монбар. — Если бы я не боялся рассердить губернатора, расположение которого для нас крайне важно, я отказался бы; но так как мы не можем не присутствовать, нам надо воспользоваться этим случаем, чтобы прямо войти в нашу роль.

— То есть? — с недоумением спросил Филипп.

— То есть с завтрашнего дня мы вступаем в нашу должность, — не будем забывать, что мы присланы рассматривать отчеты интендантов. Работа наша продолжительна, ведь мы должны объехать самые важные города каждой колонии; вы понимаете мою мысль, друг мой?

— Вполне. Итак, мы отправимся в Гибралтар и в Мериду?

— Нам надлежит побывать всюду, где необходимо провести строгий контроль, — перебил Монбар, улыбаясь.

— Бедные испанцы! — прошептал Филипп.

— Вы жалеете их?

— Да, признаюсь, они так хорошо принимают нас.

— Не забудьте, однако, припрятать под камзол ваш кинжал.

— Будьте спокойны. Черт побери! Никогда не знаешь, что с тобой может случиться в следующую минуту.

— Данник, вели оседлать лошадей. Ты поедешь с нами в губернаторский дворец; мне не нужно предписывать тебе не зевать, не так ли?

Работник лукаво улыбнулся, поклонился и вышел.

Через несколько минут граф де л'Аталайя со своим личным секретарем и в сопровождении лакея и пажа ехал верхом по главной площади, направляясь к губернаторскому дворцу, где караул, завидев его, торжественно отдал ему честь.

Глава VII. Дуэнья

Прошло несколько дней. Флибустьеры продолжали мастерски разыгрывать свои роли. Делая вид, будто строго контролирует отчеты интендантов, Монбар сумел приобрести их уважение, спустив кое-кому с рук некоторые мелкие просчеты. Отделавшись дешевле, чем предполагали сначала, интенданты превозносили до небес мудрость, честность, а в особенности выдающиеся способности ревизора.

Флибустьер под предлогом того, что хочет видеть все собственными глазами – такова действительно была его цель, хотя и не с тем намерением, которое в нем предполагали, – не давал себе ни минуты покоя и беспрестанно ездил из Маракайбо в Гибралтар, из Гибралтара в Маракайбо, осматривая берег и собирая необходимые ему сведения в разговорах с губернатором, делая при этом вид, будто все услышанное не интересует его ни в малейшей степени.

В свою очередь Мигель Баск усиленно занимался измерениями и гидрографическими расчетами, которые приводили испанцев в восторг, потому что они основывали на этих работах самые лестные надежды для коммерческой будущности колонии.

Филипп, не признаваясь Монбару в причинах, удерживавших его в Маракайбо, попросил у него позволения остаться в городе, чтобы, как он говорил, наблюдать за властями и иметь возможность при первой опасности уведомить своих товарищей. Флибустьер улыбнулся про себя этой просьбе и, не требуя более подробных объяснений, предоставил молодому человеку свободу действовать по собственному усмотрению, посоветовав ему соблюдать чрезвычайную осторожность и заметив, что малейшего неверного шага с его стороны будет достаточно для того, чтобы безвозвратно погубить успех предприятия.

Надо сказать, что положение молодого человека было чрезвычайно трудным. Дон Фернандо д'Авила принимал его очень любезно всякий раз, когда тот наносил ему визит; но достойный губернатор, хоть и нисколько не подозревая, кем в действительности был личный секретарь графа де л'Аталайя, тем не менее чутьем, свойственным ревнивцам и опекунам, угадал в нем влюбленного. Обращаясь с ним с самой очаровательной непринужденностью, с самым полным доверием, губернатор тем не менее держал себя до того церемонно, ограничиваясь вниманием таким холодным и сохранял всегда такую надменную, чисто кастильскую спесь, что всякая попытка сойтись ближе становилась невозможной, наталкиваясь на непреодолимую преграду этикета.

Филипп был взбешен; каждый раз, возвращаясь домой после безуспешного визита к губернатору, он предавался припадкам страшного гнева, которые казались бы смешны, если бы молодой человек, действительно влюбленный, не страдал так ужасно.

Дон Фернандо не представил свою питомицу флибустьерам по их приезде в Маракайбо; он держал ее взаперти в комнатах, которые за все время она покидала только раз, выезжая в плотно закрытом паланкине, окруженном толпой слуг, которые заняли улицу во всю ширину и таким образом сделали всякое общение невозможным. Правда, она постоянно посещала церковь, но входила туда в специальную дверь и оставалась в галерее с решеткой, где была совершенно невидима. Напрасно молодой человек, прекрасно знавший испанские обычаи, отправлялся в церковь раньше всех и становился возле чаши со святой водой. Он предлагал святую воду очаровательным женщинам, из которых многие улыбались ему, кокетливо приоткрывая мантильи, но их улыбки и призывные взгляды ничего не значили для него; та, которую он ждал, не являлась, и он удалялся со смертельной тоской в сердце, в полном отчаяния и, как все влюбленные, обманувшиеся в ожиданиях, составлял в голове самые безумные и совершенно невыполнимые планы.

Ломая себе голову над тем, что же ему делать, молодой человек наконец убедил себя, что доныня Хуана не приехала в Маракайбо с доном Фернандо, что он отвез ее в Санто-Доминго; эта

мысль настолько завладела им, что он решился, каковы бы ни были последствия, расспросить обо всем губернатора в тот же вечер на прогулке по Аламеде⁶, где он думал его встретить.

Было около четырех часов пополудни. На прогулку не имело смысла отправляться раньше семи часов вечера; следовательно, у Филиппа было три часа, чтобы подготовиться к разговору с доном Фернандо. Но чем ближе был этот час, тем труднее казалось ему привести в исполнение свой план. Действительно, каким способом мог он выведать у человека, с которым был знаком едва четыре дня, где находится девушка, о существовании которой ему ничего не должно бы быть известно? Как воспримет дон Фернандо странные вопросы Филиппа? Какое право имеет молодой человек задавать все эти вопросы? Дело было серьезным, настолько серьезным, что молодой человек с унынием опустился на стул, скрестил руки на груди и был вынужден признаться в своем полном бессилии. Пробило семь часов. Филипп вскочил, будто от электрического удара, схватил шляпу и лихорадочно надел ее на голову.

— Я все-таки пойду, — прошептал он, — кто знает, что может случиться!

В эту минуту в дверь комнаты, где находился молодой человек, дважды постучали.

— Кто там? — вздрогнув, спросил он.

— Я, — ответил хриплый голос Данника.

— Иди к черту! — с досадой воскликнул молодой человек. — Я ждал вовсе не тебя.

Разумеется, Филиппу было бы трудно ответить, кого именно он ждал; но Даннику не пришло в голову задать ему этот вопрос.

— Так-то вы меня принимаете! — засмеялся он. — Благодарю, вы очень любезны.

— Что тебе нужно от меня?

— Ничего.

— Зачем же ты меня беспокоишь?

— Вас спрашивают.

— Кто?

— Право, не знаю, но сквозь мантилью, в которую эта особа закутана, мне показалось, что это старуха.

— А ну ее к черту! — сказал Филипп.

— Должно быть, сегодня вы расположены всех посыпать к черту, — заметил Данник.

— Ты мне надоел со своей старухой, я не хочу ее знать.

— Как вам угодно, — заметил Данник, качая головой, — но, быть может, напрасно. За старухой в Испании всегда появляется молодая особа, а ведь мы с вами находимся на самой что ни на есть кастильской земле. Не прогадайте!

Эти слова внезапно поразили Филиппа.

— А ведь, быть может, ты и прав, — произнес он. — Безобразна твоя старуха?

— Отвратительна! Настоящая ведьма, явившаяся с шабаша.

Молодой человек подумал с минуту. Данник рассматривал его украдкой с лукавым видом.

— Ну, — сказал Филипп наконец, — позови ее; надо узнать, что ей нужно, и отделаться от нее.

Говоря так, Филипп не совсем искренне выразил то, что чувствовал в данную минуту. Напротив, его любопытство было сильно возбуждено, и он с плохо скрытым нетерпением, устремив глаза на дверь, ждал старуху, о которой доложил ему Данник.

Наконец она вошла. Филипп вскрикнул от радости и удивления и бросился к ней.

— Нья⁷ Чиала! — вскричал он.

⁶ Аламеда — здесь: проспект, главная улица города.

⁷ Нья — госпожа, сеньора (употребляется при обращении к немолодой женщине).

Ничего не отвечая, дуэнья взглядела ему на Данника, неподвижно стоявшего в дверях.

– Уйди! – сказал Филипп Даннику.

Тот тотчас ушел, затворив за собой дверь. Дуэнья подошла к Филиппу и внимательно рассматривала его несколько минут.

– Итак, это точно вы? – промолвила она наконец.

– Я, – ответил он, – а вы в этом сомневались?

– Трудно поверить в то, что вы здесь и при этом занимаете такую должность у графа де л'Аталайя, когда он питает неумолимую ненависть к флибустьерам!

– Действительно, – согласился Филипп с невольной улыбкой, – однако вы можете убедиться, что, несмотря на эту ненависть, граф соизволил взять меня к себе личным секретарем. Но не это главное. Главным было суметь пробраться сюда – и я сумел; какими средствами я этого добился, касается только меня. Поговорим о донье Хуане.

– О донье Хуане! – прошептала дуэнья со вздохом.

– Уж не случилось ли с ней какого-нибудь несчастья? – взволнованно вскричал молодой человек.

– Несчастья? Да нет, – ответила она, крестясь. – Бедная сеньорита!

– Но раз так, что же вы пугаете меня, заставляя предполагать бог знает какие беды!

Дуэнья с минуту молчала, с подозрением оглядываясь вокруг.

– Никто не может нас слышать, ныя Чиала, – с нетерпением произнес молодой человек, заметив ее взгляды, – говорите без опасения. Садитесь, пожалуйста; так вам будет удобнее исполнить ваше поручение.

– Ах! – сказала Чиала, усаживаясь на стул, который подвинул к ней молодой человек. – Позвольте мне говорить с вами откровенно, сеньор дон Фелипе… Я не смею начать, так как боюсь рассердить вас.

– Милая моя, – ответил он, сгорая от нетерпения, – говорите же, заклинаю вас, и будьте откровенны. Я обещаю вам не сердиться. Что бы вы ни сообщили мне, я все готов выслушать и, уверяю вас, буду страдать меньше, чем в эту минуту. Ваша сдержанность терзает меня.

– Как нетерпеливы эти молодые люди, Святая Дева! – проворчала старуха.

– Прежде всего ответьте мне, пожалуйста, на два вопроса, а после говорите, что хотите.

– Что за два вопроса?

– Здорова ли донья Хуана?

– Слава богу, она совершенно оправилась от усталости после путешествия, и теперь здоровье ее превосходно.

– Благодарю… По-прежнему ли она любит меня?

– Если нет, разве была бы я здесь? – опять заворчала старуха.

– Отлично! – вскричал Филипп весело. – Если здоровье ее превосходно и она по-прежнему любит меня, мне нечего больше желать. Говорите же, любезная ныя Чиала, все, что придет вам в голову; вы дали мне противоядие, которое заставит меня терпеливо выслушать все, что вы мне скажете. Можете начинать, я слушаю вас.

С улыбкой на губах молодой человек откинулся на спинку кресла, расположившись как можно удобнее.

Дуэнья несколько раз печально покачала головой, устремив на молодого человека взгляд со странным выражением, и, глубоко вздохнув, как делают те, кто наконец принимает важное решение, вновь начала разговор:

– Сеньор кабальеро, вы найдете, без сомнения, очень странным, что я, будучи в ваших глазах не кем иным, как служанкой, осмеливаюсь вмешиваться в дела, касающиеся особ, которые по своему происхождению гораздо выше меня.

— Вы ошибаетесь, ньня Чиала, — мягко заметил молодой человек, — я знаю глубокую дружбу доны Хуаны к вам и нахожу, напротив, очень естественным, что вы интересуетесь ее делами.

— Я для доны Хуаны не обыкновенная прислуга, сеньор! Она только что не родилась при мне; я кормила ее своим молоком, я никогда с ней не расставалась. Чтобы последовать за ней в Америку, я бросила мужа, детей, родных. Я люблю ее, как дочь, а может быть, и больше.

— Я уже знал все, что вы мне сказали, кроме одного — вашего путешествия в Америку. Разве дона Хуана родилась в Испании?

— Кто знает? — пробормотала Чиала, подняв глаза к небу.

— Как это, кто знает? Что вы хотите сказать, ньня Чиала?

— Выслушайте меня, кабальеро, — продолжала она, — я сообщу вам то немногое, что знаю сама.

— Говорите же, говорите, ньня Чиала! — с живостью вскричал молодой человек.

— Знайте, кабальеро, что я вверяюсь вашей дворянской чести и что об этой тайне вы не должны говорить никому.

— Даю вам честное слово, кормилица.

— Я была замужем три года... Прошел месяц, как родился мой второй ребенок. Я с мужем жила в хижине в нескольких лье от По.

— Как! — с удивлением воскликнул молодой человек. — Вы не испанка?!

— Нет, я беарнка.

— Продолжайте, продолжайте, кормилица! — вскричал Филипп с живостью.

— Мой муж охотился на медведей в горах, занимался контрабандой, а в свободное время служил проводником путешественникам, направлявшимся из Франции в Испанию или из Испании во Францию. Несмотря на свои разнообразные ремесла, а может быть, и по причине этого, мой муж был очень беден, так беден, что часто даже не было хлеба в нашей жалкой лачуге. Хуан приходил в отчаяние. Горе преследовало нас, однако мы были честны. Однажды после продолжительного отсутствия мой муж вернулся с каким-то господином. Возвращение мужа нескончально обрадовало меня; уже около пятидесяти часов у меня во рту не было ни крошки. Хуан принес еду.

«Не теряй мужества, жена, — сказал он мне, — поешь и порадуйся: этот достойный господин сжался над нами». Тогда я стала внимательно рассматривать незнакомца, на которого до сих пор не обращала внимания и который остался стоять возле двери, закутавшись в плащ. Этот незнакомец был уже пожилой; его красивые, но суровые черты лица имели надменное выражение, которое против моей воли заставило меня задрожать. Одет он был, как дворянин. Я почтительно поклонилась ему в благодарность за добро, которое он хотел нам сделать. Он раскрыл свой плащ и подал мне ребенка одного возраста с моим.

«Не благодарите меня, добная женщина, — произнес он, — это будет услуга за услугу. Вот слабое существо, которому я прошу вас заменить мать». Я тут же схватила ребенка и, не думая о еде, хотя и была очень голодна, тотчас дала ему грудь.

— Это была Хуана? — вскричал молодой человек.

— Да, кабальеро. Незнакомец как будто с удовольствием смотрел на мои заботы об этом бедном херувиме, потом подошел ко мне и поцеловал в лоб милую малютку, которая заснула, улыбаясь.

«Вот и хорошо, — сказал он, — вы будете матерью Хуане — так ее зовут; она сирота. Возьмите этот кошелек. В нем шестьдесят унций золота⁸; через год вы получите столько же от банкиров Исагуирра и Самала из По, и это будет продолжаться все то время, пока ребенок останется на вашем попечении. Вам стоит только показать этот перстень, — сказал он, сняв с мизинца левой руки перстень с бледным рубином. — Вы поняли, чего я жду от вас? Будьте

⁸ Около пяти тысяч франков на французские деньги (примеч. автора).

скромны, и у вас не будет причин жаловаться на меня. Теперь прощайте». Он закутался в плащ, надвинул шляпу на глаза, сделал знак моему мужу следовать за ним и вышел из хижины. Больше он не возвращался; однако, хотя я видела его не больше одного часа, я уверена, что если бы встретилась с ним, то узнала бы его – до того его лицо поразило меня, и черты его остались запечатлены в моей памяти.

– Кто бы мог быть этот человек? – прошептал Филипп. – Вероятно, ее отец.

– Не думаю… Прошло три года. Каждый год я ездила в По, показывала перстень, и, не задавая никаких вопросов, мне давали шестьдесят унций золота. Однажды утром в дверь нашей хижины постучали. Я вздрогнула; мы жили в таком уединении, что у нас никогда никто не бывал, кроме контрабандистов, приятелей моего мужа, которые открывали дверь без церемонии и входили, как к себе домой. Я отворила. На пороге стоял какой-то незнакомец. Это был один из служащих в банке Исагуирра; я видела его, когда ходила за деньгами. Поздоровавшись со мной, он спросил, дома ли мой муж. Я ответила, что его нет дома, но я жду его с минуты на минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.